

Спустя два дня при дворе действительно зашумели. Скандал с расхищением средств на императорский банкет министром ритуалов и так был у всех на устах, а два дня назад Министерство наказаний внезапно нащупало след. Выяснилось, куда ушли украденные деньги: на покупку роскошной усадьбы одним из столичных чиновников. Государь немедленно велел наложить на поместье арест.

Чиновники министерства нагрянули туда с внезапной проверкой. Благодаря внезапности всё прошло как по маслу: в доме обнаружили баснословные суммы золота, серебра и антиквариата, а в придачу — спрятанную там куртизанку. Странное дело: узнав об этом, император совершенно не заинтересовался богатствами, зато крайне увлекся личностью женщины. Он велел немедленно выяснить, кто истинный владелец дома и каково происхождение этой девицы.

К огромному удивлению всех, расследование показало: усадьба оформлена на имя женщины, но выкупил ее из публичного дома не кто иной, как Чэнь Ти из Министерства ритуалов. Тот самый Чэнь Ти, который первым «обнаружил» недостачу и донес на Цзи Ю.

Такого поворота при дворе не ожидал никто. По непонятной причине император остался крайне недоволен результатом и устроил разнос чиновникам Министерства наказаний, после чего велел покарать Чэнь Ти по всей строгости закона. Само по себе выкуп куртизанки преступлением не являлось, но это подтверждало, что и усадьба, и спрятанные в ней сокровища принадлежат именно Чэнь Ти.

В те годы среди чиновников Южной Цзин редко встречались люди с чистыми руками, так что подобная сумма награбленного не казалась им чем-то из ряда вон выходящим. Однако в законах династии Цзин были четкие предписания: если вина чиновника доказана, наказание должно следовать неукоснительно.

Спустя несколько дней Чэнь Ти вынесли приговор, и в столичных кругах на какое-то время воцарилась атмосфера тревожного затишья — каждый боялся стать следующим.

В поместье Пан пышно цвели персики, наполняя весь сад ярким и шумным цветом. Однако во внутреннем дворике самого Пан Шао царила иная атмосфера — там зеленела чистая и изысканная свежесть.

Это была «зеленоцветковая слива» (люй-э-мэй), присланная в качестве дани из уезда Шэ провинции Хуэйчжоу. Поскольку покойный император очень любил это растение, его ежегодно доставляли в гарем Южной Цзин на протяжении десятилетий. Из-за различий в почве и трудностей перевозки в столицу добиралось не более сотни саженцев в год. Даже перед покойными нынешнего государя их росло всего несколько штук, но двор Пан Шао был буквально окутан этим нежным зеленым туманом.

На печи перед Пан Шао закипал чай. Один чиновник почтительно сидел чуть поодаль, а другой, дрожа всем телом, простерся ниц перед ним, не смея поднять головы. Это был тот самый следователь из Министерства наказаний, что недавно навещался в поместье Цзян Суйчжоу.

Пан Шао приподнял крышку чайника, неторопливо заглянул внутрь и сквозь клубы пара вкрадчиво спросил:

— Что именно сказал тебе тогда принц Цзин?

Чиновник, захлебываясь слезами, пролепетал: — Великий ситу, будьте справедливы! Ваш слуга допросил Его Высочество принца Цзина строго по указанию начальства. Все показания занесены в протокол, ваш слуга не солгал ни единым словом!

Пан Шао тонко улыбнулся.

— Хорошо. А как же та усадьба? — спросил он.

Чиновник поспешно ответил:

— Это сказал наложник принца!

Пан Шао замер и вернул крышку на чайник.

— Он сам тебе это сказал? — выражение лица великого ситу стало странным.

Следователь замотал головой:

— Нет! Ваш покорный слуга подслушал это... Наложник жаловалась своей служанке, что принц Цзин завел любовника на стороне и купил ему дом в квартале Чанлэ... Ваш слуга решил, что дело серьезное и обязан доложить государю, вот и...!

Его голос сорвался от страха, но Пан Шао лишь безмятежно рассмеялся.

— О чем вы так волнуетесь, господин Чжан? Я просто спросил, — произнес он.

Чиновник дрожал так сильно, что не мог вымолвить ни слова.

Пан Шао мягко улыбнулся:

— Что ж, мой чай почти готов, не смею вас больше задерживать. Можете идти.

Чиновник неуклюже поднялся с колен.

Он уже собирался отвесить прощальный поклон, как вдруг Пан Шао снова заговорил:

— Впрочем, господин Чжан.

— Великий ситу? — тут же отозвался тот.

Пан Шао снял чайник с маленькой печи. Пламя в очаге ритмично подрагивало, отливая жаром.

— Знаете, если человек совершил ошибку, он обязательно должен заплатить цену, — сказал Пан Шао, не поднимая глаз и медленно разливая чай. — И если он не заплатит ее добровольно, не стоит винить других за то, что они придут и возьмут вдвойне.

Договорив, он поставил чайник и с едва заметной усмешкой посмотрел на чиновника.

Тот на миг замер, а затем принялся непрерывно кланяться:

— Благодарю великого ситу! Огромное спасибо!

Пан Шао одной рукой поднес чашку к губам, а другой лениво махнул — мол, свободен. Чиновник попятился к выходу.

Пан Шао отхлебнул горячего чая и со слабой улыбкой похвалил:

— Лунцзин из Цзяннаня и впрямь чище того, что привозят из Ечэна.

Он обратился к другому чиновнику, сидевшему рядом: — Хочешь попробовать?

Этот человек отвечал за опись имущества, конфискованного в доме Чэнь Ти. Разве посмел бы он позволить великому ситу наливать ему чай?

Он поспешно перехватил чайник обеими руками и сам потушил огонь в печи.

— Великий ситу, неужели вы так просто его отпустите? — спросил он.

Пан Шао хмыкнул.

— А что мне с ним делать? Ведь вины его здесь нет, — Пан Шао улыбался, и вид у него был на редкость великодушный.

Но сидящий рядом чиновник прекрасно знал, что это значит. В «клике Пан» было несколько человек, которые когда-то перешли дорогу Пан Шао. Он ловил их на крючок, оставлял в живых и принимал в свои ряды — и тогда этим людям приходилось выслуживаться перед ним вдвойне, принося вдвое больше выгоды. Для Пан Шао оставить такого человека в живых было куда прибыльнее, чем убить.

Чиновник понимающе рассмеялся и принялся льстить:

— Великий ситу всегда был милосерден. Поистине, мудрость ваша безгранична.

Пан Шао лишь загадочно улыбался.

Чиновник осторожно продолжил:

— А как же... как же господин Чэнь?

Пан Шао посмотрел на него. Собеседник с праведным негодованием воскликнул:

— Это наверняка принц Цзин затаил обиду на господина Чэнь и нанес этот подлый удар! Великий ситу, мы ведь не можем позволить принцу Цзину торжествовать?

Однако Пан Шао покачал головой и со вздохом уставился в окно на пышные сливы.

— Государь уже издал указ, разве смею я противиться его воле?

Он вздохнул так легко, словно мимо него пролетела и упала замертво крохотная птичка — мимолетно и безразлично.

— Жаль только беднягу Чэнь Ти.

Чиновник тут же прикусил язык, не смея более проронить ни слова. Кто в нынешнем государстве решает, чему быть? Даже ребенок знает: не император, а господин Пан. Не бывает императорских указов, которые господин Пан не мог бы изменить — бывают лишь те, которые он менять не хочет.

Этот визит был затеян ради дела Чэнь Ти. Прощупав почву парой фраз, чиновник всё понял.

Пан Шао никогда не ценил Чэнь Ти, считая его лишь псом, которого можно звать и прогонять по желанию.

В последнее время Чэнь Ти зарвался: пытался прыгнуть через голову покровителя, чтобы выслужиться перед императором, да еще и припрятал втайне от Пан Шао такие богатства. Теперь, даже если бы император его пощадил, господин Пан сам не оставил бы его в живых.

Чиновник мысленно вздохнул. Алчность затуманила взор Чэнь Ти, он совсем перестал понимать, как устроен мир. Кто в нынешнем дворе не кормится из рук господина Пана? Делать пакости за его спиной — верный путь к гибели. Теперь и этот чиновник знал, как ему поступить. Разумеется, нужно посильнее «пнуть» обреченного Чэнь Ти перед смертью, чтобы порадовать Пан Шао. А затем, пока конфискованное добро будет кочевать в казну, прибрать к рукам процентов тридцать и доставить в поместье великого ситу.

Пока чиновник строил планы, Пан Шао вдруг негромко обронил:

— Кто бы мог подумать... эта побитая собака, запертая в клетке, всё еще замышляет, как бы побольнее укусить.

Собеседник не понял, о ком речь.

Но Пан Шао и не собирался объяснять. Он опустил глаза к чашке чая, скрывая в них ледяную ярость.

— Весьма любопытно.

Цзян Суйчжоу не был рядом с Пан Шао, но прекрасно осознавал, какую ненависть вызвал. Пусть Чэнь Ти и не был важной шишкой, при дворе каждый знал, что он — дальний родственник и человек Пан Шао. Даже если тот им не дорожил и злился на его самоуправство, расправа над Чэнь Ти была публичной пощечиной самому Пан Шао. Тонкий, безболезненный физически, но крайне оскорбительный удар холодным клинком.

Впрочем, это ничуть не портило Цзян Суйчжоу настроения. Чэнь Ти давно действовал ему на нервы, и то, что удалось заодно спасти Цзи Ю и избавиться от врага — был идеальный результат, «одним выстрелом — двух зайцев».

А что до ненависти Пан Шао... Даже если бы принц сидел тише воды ниже травы, тот бы его не пощадил. Так почему бы не помериться силами и не заставить врага помучиться?

С самого утра Цзян Суйчжоу был в прекрасном расположении духа. Стоило ему сесть у кровати Хо Уцзю, как генерал сразу это заметил.

— Как ты сегодня? — спросил принц.

Хо Уцзю выглядел всё так же неважно из-за боли, но держался непринужденно. На тыльной стороне его ладоней отчетливо проступали вены, но он нашел в себе силы внимательно посмотреть на гостя.

Цзян Суйчжоу поймал этот взгляд и уставился на него сияющими глазами, ожидая, когда генерал сам его спросит. Ведь во всем этом мире почти не было людей, с которыми он мог бы поговорить откровенно, и уж точно некому было разделить с ним его триумф. Но Хо Уцзю был

исключением.

Однако Хо Уцзю помедлил, отвел взгляд и сухо бросил:

— Нормально.

И замолчал.

Цзян Суйчжоу почувствовал, как слова застряли у него в горле — ни туда, ни сюда. Он даже слегка оторопел.

«Почему он не спрашивает?! Хо Уцзю, ну почему ты не спрашиваешь?!»

Он и не знал, что Хо Уцзю, бросив на него мимолетный взгляд, втайне усмехнулся. У принца Цзина на лице было крупными буквами написано: «У меня есть отличные новости, скорее спроси меня о них!». И именно эта готовность делиться радостью пробудила в генерале желание его поддразнить.

Хо Уцзю сохранял абсолютное спокойствие, будто и не замечал странного поведения принца.

Цзян Суйчжоу взял книгу, поданную Мэн Цяньшанем, но лишь вертел ее в руках, открывал и закрывал, явно не собираясь читать. Его темные блестящие глаза то и дело косились на Хо Уцзю. Это было так забавно, что всё желание дразниться у генерала мигом улетучилось.

Помедлив, он всё же спросил:

— Что случилось?

И тут же эти глаза вспыхнули ярким светом. Хо Уцзю показалось, что даже боль в ногах, от которой хотелось лезть на стену, куда-то отступила.

Принц постарался придать лицу чопорное выражение, тщетно пытаясь скрыть хвастливые нотки — сейчас он был очень похож на кота, который принес хозяину добычу и ждет ласки.

— Я спас Цзи Ю, — объявил он.

Хо Уцзю кивнул:

— Это хорошо.

— Чэнь Ти казнят, — продолжил Цзян Суйчжоу.

Хо Уцзю хмыкнул и, сопоставив факты, спросил:

— Перевел удар на другого?

Цзян Суйчжоу довольно кивнул.

Он лишь молча смотрел на Хо Уцзю, и вид у него был такой, словно он ждет похвалы.

Хо Уцзю помедлил, но всё же не сдержался и произнес:

— Блестящий план.

Однако Цзян Суйчжоу повторил:

— Это был Чэнь Ти.

Хо Уцзю на мгновение растерялся:

— А что с ним?

Принц Цзин посмотрел на него так, будто ответ был очевиден, и выпалил:

— Чэнь Ти! Ты что, забыл? Тот самый, что прислал тебе приглашение на праздник любования цветами, желая тебя унижить.

С этими словами Цзян Суйчжоу тонко улыбнулся:

— Я перевел весь удар на его голову.

Хо Уцзю на миг застыл. До него только сейчас дошло: принц с такой радостью рассказывал ему об этом не потому, что спас жизнь министру ритуалов, а потому что... Он хотел показать, что отомстил за него.

От автора: Хо Уцзю: «Спасибо за вопрос. Хотя я и знаю, что он меня не любит, мое сердце почему-то начало бешено колотиться». Вэй Кай: «Он тебя не любит». Хо Уцзю: «Я знаю, хе-хе». Вэй Кай: «?»

<http://bllate.org/book/16965/1581829>